

В овраге — эпизод 14 из 16

Вавила бросил что-то на огонь, притоптал и тотчас же стало очень темно; видение исчезло, и по-прежнему было только поле, небо со звездами, да шумели птицы, мешая друг другу спать. И коростель кричал, казалось, на том самом месте, где был костер.

Но прошла минута, и опять были видны и подводы, и старик, и длинный Вавила. Телеги скрипели, выезжая на дорогу.

Вы святые? спросила Липа у старика.

Нет. Мы из Фирсанова.

Ты давеча взглянул на меня, а сердце мое помягчило. И парень тихий. Я и подумала: это, должно, святые.

Тебе далече ли?

В Уклеево.

Садись, подвезем до Кузьменок. Тебе там прямо, нам влево.

Вавила сел на подводу с бочкой, старик и Липа сели на другую. Поехали шагом, Вавила впереди.

Мой сыночек весь день мучился, сказала Липа. Глядит своими глазочками и молчит, и хочет сказать и не может. Господи батюшка, царица небесная! Я с горя так всё и падала на пол. Стою и упаду возле кровати. И скажи мне, дедушка, зачем маленькому перед смертью мучиться? Когда мучается большой человек, мужик или женщина, то грехи прощаются, а зачем маленькому, когда у него нет грехов? Зачем?

А кто ж его знает! ответил старик.

Проехали с полчаса молча.

Всего знать нельзя, зачем да как, сказал старик. Птице положено не четыре крыла, а два, потому что и на двух лететь способно; так и человеку положено знать не всё, а только половину или четверть. Сколько надо ему знать, чтоб прожить, столько и знает.

Мне, дедушка, идти пешком легче. А теперь сердце трясется.

Ничего. Сиди.

Старик зевнул и перекрестил рот.

Ничего... повторил он. Твое горе с полгоря. Жизнь долгая будет еще и хорошего, и дурного, всего будет. Велика матушка Россия! сказал он и поглядел в обе стороны. Я во всей России был и всё в ней видел, и ты моему слову верь, милая. Будет и хорошее, будет и дурное. Я ходоком в Сибирь ходил, и на Амуре был, и на Алтае, и в Сибирь переселился, землю там пахал, соскучился потом по матушке России и назад вернулся в родную деревню.

Назад в Россию пешком шли; и помню, плывем мы на пароме, а я худой-худой, рванный весь, босой, озяб, сосу корку, а проезжий господин тут какой-то на пароме, если помер, то царство ему небесное, глядит на меня жалостно, слезы текут. Эх, говорит, хлеб твой черный, дни твои черные... А домой приехал, как говорится, ни кола, ни двора; баба была, да в Сибири осталась, закопали. Так, в батраках живу. А что ж? Скажу тебе: потом было и дурное, было и хорошее. Вот и помирать не хочется, милая, еще бы годочков двадцать пожил; значит, хорошего было больше. А велика матушка Россия! сказал он и опять посмотрел в стороны и оглянулся.

Дедушка, спросила Липа, когда человек померет, то сколько дней его душа потом по земле ходит?

А кто ж его знает! Вот спросим Вавилу он в школу ходил. Теперь всему учат. Вавила! позвал старик.

А!

Вавила, как человек померет, сколько дней его душа по земле ходит?

Вавила остановил лошадь и тогда уж ответил:

Девять дён. Мой дядя Кирилла помер, так его душа в избе нашей жила потом тринадцать дён.

Почему ты знаешь?

Тринадцать дён в печке стучало.

Ну, ладно. Трогай, сказал старик, и видно было, что ничему этому он не верил. Около Кузьменок подводы свернули на шоссе, а Липа пошла дальше. Уже светало. Когда она спускалась в овраг, то уклеевские избы и церковь прятались в тумане. Было холодно, и казалось ей, что кричит всё та же кукушка.

Когда Липа вернулась домой, то скотины еще не выгоняли; все спали. Она сидела на крыльце и ждала. Первый вышел старик; он сразу, с первого взгляда понял, что произошло, и долго не мог выговорить ни слова и только чмокал губами.

Эх, Липа, проговорил он, не уберегла ты внучка...

Разбудили Варвару. Она всплеснула руками и зарыдала и тотчас же стала убирать ребенка.

И мальчик-то был хорошенечкий... приговаривала она. Ох-тех-те... Один был мальчик, и того не уберегла, глупенькая...

Служили панихиду утром и вечером. На другой день хоронили, и после похорон гости и духовенство ели много и с такою жадностью, как будто давно не ели.